

Il sorriso  
di Caterina

# Содержание

1. Яков	
<i>Березовая роща на берегу реки близ Хи-Миуте, летнее утро</i> .....	9
2. Иосафат	
<i>Неглубокая топь в окрестностях Таны, июльское утро 1439 года</i> .....	45
3. Термо	
<i>Берег реки близ Таны, июль 1439 года, четвертая стража ночи</i> .....	85
4. Якомо	
<i>Венецианский квартал Константинополя, рассвет 26 февраля 1440 года</i> .....	126
5. Марья	
<i>Там же, в Константинополе, рассвет 26 февраля 1440 года</i> .....	160
6. Донато	
<i>Палаццо Бадер, Венеция, 26 апреля 1440 года</i> .....	190
7. Джиневра	
<i>Флоренция, квартал Санта-Мария-Новелла, июньское утро 1441 года</i> .....	256

8. Франческо	
<i>Замок Альтафронте во Флоренции,</i>	
<i>апрельским днем 1450 года .....</i>	307
9. Антонио	
<i>Городок Винчи, рассвет второго дня</i>	
<i>апреля 1452 года .....</i>	346
10. Пьеро, и вновь Донато	
<i>Дом на виа ди Санто-Джильо во Флоренции,</i>	
<i>2 ноября 1452 года .....</i>	402
11. Антонио, но другой	
<i>Кампо-Дзеппи в окрестностях Винчи,</i>	
<i>любой день 1490 года .....</i>	454
12. Леонардо	
<i>Наверное, она — величайшая из загадок моей жизни .....</i>	494
13. Я .....	533
Благодарности .....	559

# 1

## ЯКОВ

*Березовая роща на берегу реки  
близ Хи-Миуте<sup>1</sup>, летнее утро*

**Я** не могу ее потерять!  
Лошадь несется, то появляясь, то исчезая меж берез.  
Мне остается только следить за ней глазами.  
Глаза мои — руки мои. Тянутся, пытаюсь схватить то, что ускользает навсегда.  
Жизнь, всполох света, путаная череда воспоминаний и образов, тот бесконечно краткий срок, что мы прожили вместе.

Передо мною — белые, тонкие стволы, их кора — словно огрубевшая кожа. Они похожи на те деревья, что я обнимал двенадцать зим назад: не здесь, у моря, а в нашей священной роще, высоко в горах. Тогда я, вопреки запретам, проник в ее святая святых. О, я был не в силах ждать снаружи с прочими людьми и лошадьми! Стоны мой измученной жены уже несколько часов эхом разносились по долине, вселяя в меня неведомый страх. Вот-вот должно было свершиться ужасающее таинство.

Вцепившись в березу, я смотрел с края балки вниз, на поляну. В центре плато раскидистый грецкий орех, потрепанный

---

<sup>1</sup> *Хи-Миуте* (также Меотийское озеро или, у римлян, болото, Меотиды) — ныне Азовское море. (*Здесь и далее — прим. пер.*)

осенними ветрами, воздевал ветви к небу, словно жрец в молитве. Узловатые корни обвивали скалу, из-под которой бил источник чистой воды. Меж корнями и стволом виднелся грубый деревянный крест. С моей женой осталась только *мамму*, бабка-повитуха, что сновала между ней и источником, сменяя окровавленные тряпки и тут же застирывая их. Распластавшись на соломе, моя жена пронзительно кричала и корчилась в судорогах, запрокидывая голову.

До вчерашнего дня долгие месяцы, проведенные в нашем большом доме посреди аула, мы исполняли каждый наказ *мамму* и старших женщин. Все ждали появления моего первенца: наследника *тши* Якова, благородного князя Якова, как пели женщины, чудо-мальчика, будущего богатыря, достойного нартских саг, отважного главы клана. Ему предстояло родиться в год Лошади, самого благородного и почитаемого нашим народом животного.

Жена моя не выходила на улицу после наступления темноты, не сидела на сундуках и камнях, не убивала змей, не пила воды из широких чаш. Бережно поддерживала огонь в очаге посреди жилища, не давая ему потухнуть. Но вопреки стараниям, тяжкое бремя с каждым днем иссушало и ослабляло ее. Из-за частых кровотечений женщины опасались, что мать и будущее дитя попали под власть демона. Возможно, то была жестокая Алмасти. Поговаривали, будто в сумерках по дому бродит нагая простоволосая старуха. Чтобы отпугнуть ее, в дверях ночи напролет горел очистительный огонь, а под подушку и тюфяк клали всякие металлические предметы — пару амулетов, ножницы, нож. К родам подготовили соломенную хижину за аулом, у шумной речной стремнины.

Срок подошел поздней осенью. Погода стояла мягкая, но старейшины предупреждали, что скоро из Страны Тьмы налетит ледяной ветер. Тогда все побелеет и замрет, погребенное под толстым покровом снега. Из последних сил, бледнея,



жена настояла, чтобы мы немедленно отвели ее в священную рощу, под сень ореха. Утверждала, что нуждается в силе воды и камня, в соках большого дерева. Она была непреклонна. И тогда, вопреки слабости, мы решили отнести ее туда на носилках в сопровождении одной только *мамику*. В путь отправились на рассвете. Небо прояснилось, но воздух еще не прогрелся. В священную рощу вошли только женщины с носильщиками, да и те вскоре вернулись назад, подготовив ложе из соломы на сырой земле. Остальные, включая и меня, спешившись, ждали у края балки. Ближе мужчинам подходить запрещалось. Все, что там происходило, мы видели лишь смутно. *Мамику* заводила таинственные ритуалы, чтобы вызвать у роженицы схватки. Она ворожила с охапкой загадочных предметов, сплетенных веревками, заговаривая воду и ветер.

Резкий вопль заставил меня замереть. Жена внезапно выгнулась всем телом, потом обмякла и замерла. Я окаменел. Издали я едва различал их фигуры и не мог понять, что происходит. *Мамику*, укрыв мою жену, согнулась у ее ног. И вдруг раздался новый крик, слабый, но отчетливый. Несколько раз взмахнув чем-то похожим на нож, *мамику* бросилась к роднику с окровавленным комочком на руках и несколько раз окунула его в ледяную воду. Крик повторялся снова и снова. Едва заметив существо, уже отмытое от крови, я тотчас же ринулся к поляне. Мокрые от слез глаза *мамику* источали ужас, не столько от встречи со смертью, сколько от моего кощунственного присутствия, желания увидеть то, что от мужских взглядов скрыто. На земле одиноко лежало белое как снег тело моей жены: рот распахнут, в безжизненных глазах отражается синева небес. Кровь запеклась на рваной ране между ног, на соломе, на земле. «Всю ее Алмасти выпила, — глухо прошамкала *мамику*. — Теперь ей в землю путь держать, а священная кровь в корнях прорастет да в соке древнего дерева». Кровь за кровь, жизнь за жизнь... Вот тогда-то я ее впервые и увидел. Ясный,

пронзительный взгляд распахнутых глаз. Они напомнили мне глаза ее матери, что словно бы наблюдали за мной, пока я держал малышку на руках.

Снова увидеть дочь я смог только шесть зим спустя, по возвращении из похода.

Похоронив жену в родовой усыпальнице, под громадами каменных плит дома мертвых, я доверил младенца бабушке и кормилице Ирине, рабыне из *русков*.

Тьма окутала землю, тьма Зла и Боли. Завывал северный ветер, сыпал снег. Снарядившись, я собрал воинов племени и без оглядки пошел прочь. До сих пор, в ожидании первенца, я медлил с ответом *юрку*<sup>1</sup> Нэху, одноглазому князю Иналу Великому<sup>2</sup>, сыну Хурыфэля из колена Абдун-хана, что уже давно обратился к вождям и дворянам нашего гордого и свободолюбивого народа, разбросанного по горам и долинам, с призывом объединиться в общей борьбе. Но после случившегося я последовал за ним со слепой решимостью, яростно бросаясь в бой, словно пытаюсь найти для себя утешение в смерти, которую вместо того щедро дарил врагам. Другим воинам мой напор казался смелостью, героизмом, жестокостью. Но это было лишь отчаянное желание умереть.

На родину я вернулся совершенно другим. Лицо изрезали морщины и шрамы, лишь кое-где скрытые бородой и отросшими светлыми волосами. Печаль омрачила взор, в глазах запечатлелось пламя битв и реки крови. Жизнь и смерть перестали волновать меня. Голова и сердце опустели.

В нашем ауле я оказался неожиданно, накануне новогодних гуляний, в самом конце зимы, прискакав в сопровождении

<sup>1</sup> *Юрки* — черкесские дворяне.

<sup>2</sup> *Инал Нэху* (Светлый, кон. XIV в. — ок. 1453) — легендарный князь, родоначальник множества княжеских родов, объединивший земли адыгов, абазин и абхазов.

немногих оставшихся в живых товарищей. За нами следовала небольшая повозка, на козлах которой восседал тщедушный человек в черном. Под буркой, войлочным плащом и кольчугой я носил простую рубаху без воротника, присборенную поясом, широкие штаны заправлял в сапоги. За плечом — длинный лук с колчаном, в ножнах у пояса — легкая кривая шашка, гибкая и смертоносная, как змея, с крючковатой посеребренной рукоятью в виде орлиной головы, украшенной чернью.

Я снял шлем-шишак с подщечниками и, подставив голову ветру, стал потихоньку спускаться с холма в долину. На окраине аула по сторонам дороги молча собирались группки женщин, стариков и детей, пытаюсь разглядеть в измученных фигурах воинов черты любимых мужей, сыновей, отцов.

Вот и мой дом посреди аула, он разве что чуть выше остальных, но в остальном — такая же *вуна*, мазанка из тростника, соломы и веток. Ничего не изменилось. За хижиной виднеется все та же дощатая изгородь, которую я возвел летом, пока жена была в тягости. Тут же знакомые конюшни, отдельная комната для гостей, загоны для скота, поле и фруктовые деревья, замершие в ожидании новой весны.

Под навесом, в стороне от слуг и работников, я узнал стройную фигуру матери, бесстрашной, словно статуя. Рядом служанка Ирина держала за руку девочку лет пяти-шести, светловолосую и голубоглазую. Судя по всему, мою дочь. Ее глаза смотрели на меня взволнованно, но без слез. Сухими были глаза бабушки, глаза Ирины и глаза всех на улице в ту минуту, потому что слезы для нас — знак слабости.

Спешившись, я обнял мать, с благодарностью взглянул на Ирину и наклонился к девочке, которая видела меня впервые. Должно быть, я показался ей чужим, и только тогда осознал, что мой вид мог ее напугать. Но улыбаться я не умел: наверное, за всю жизнь ни разу не улыбнулся. Я даже не знал, как ее



зовут. «*Вафа-нака*, Синеглазка», — шепнула Ирина, упредив мой вопрос. И точно: глаза девочки были такими же васильково-голубыми, как у ее отца и матери. Я с болью вспомнил пронзительную синеву неба над поляной в тот день, когда Всевышний Тхашхо забрал любимую жену и подарил мне вместо первенца-наследника дочь.

Я осторожно потянулся к ней и тихо произнес: «Синеглаз-ка». Малышка неуверенно взглянула на Ирину, та улыбнулась в ответ. Тогда девочка робко приблизилась ко мне и, не опуская глаз, обвила ручонками шею.

Мы вошли в большой зал в самом центре *вуны*, где царил священный очаг, роль хранительницы которого, хозяйки дома и главы семьи в мое отсутствие все эти годы исполняла мать. Повозка тоже остановилась возле дома, и я представил возницу родным и друзьям: это был мой *кунак*, товарищ и гость, греческий купец Деметриос, который следовал за мной из самого Шанджира<sup>1</sup>, цитадели князя Инала, основанной его дедом Абдун-ханом к югу от реки Псыжь<sup>2</sup>. Прежде мы не встречались, пока случай не свел нас. Деметриос не только немного говорил по-нашему, но и знал мое имя.

Оказывается, это имя, Яков, спасло грека, когда тот сошел со своего корабля на берегах Хи-Фице<sup>3</sup>. Окружившие Деметриоса стражники лишили бы в тот день чужеземца и товара, и свободы, если бы тот вовремя не назвался кунаком князя Якова, во имя священного долга гостеприимства моля о защите и возможности предстать перед покровителем. Деметриос привез мне не только товары, но и новости из дальних земель, что лежат за Хи-Фице. У него имелось даже личное сообщение для моей матери.

<sup>1</sup> *Шанджир* — столица княжества Инала в исторической области Кабарда.

<sup>2</sup> *Псыжь* — адыгское название реки Кубань.

<sup>3</sup> *Хи-Фице* — Черное море.

Представив ей грека, я дал им возможность поговорить наедине, отойдя в угол комнаты. К всеобщему изумлению, Деметриос поклонился ей. Произнеся всего пару слов, он достал из сумы какой-то предмет, похожий на кольцо, и вручил ей. Мать слушала безмолвно. Я знал, что она давно утратила дар речи. Не помню, чтобы в детстве я слышал от нее хотя бы звук. Только жесты. Считалось, что она онемела много лет назад, еще до замужества и моего рождения, когда, вернувшись к обугленным развалинам своего аула, сожженного татарами Железного Тимура, узнала, что брата ее похитили, а голову отца насадили на пику.

Мне на миг показалось, что мать растрогана.

Но это был всего лишь миг. Она тотчас оправилась, словно устыдившись минутной слабости, отпустила грека и присела на диван в центре комнаты, рядом с Синеглазкой, жестами приглашая всех угощаться нехитрым ужином, который женщины состряпали на скорую руку: супом с пшеничными клецками, тушеной бараниной под чесночным соусом, орехово-медовым пирогом. Пенную брагу-*махсиму* разливали в серебряные чаши и осушали в честь приехавших: меня, воинов и кунака. Полилась протяжная мелодия, которую одна из девушек заиграла на *шичетшине*, водя длинным смычком по струнам из конских жил, закрепленным на продолговатом деревянном коробе.

Усевшись по окончании трапезы у очага, грек, коверкая слова и звуки, то и дело тонувшие в общем хохоте, завел разговор на чужом языке, столь сложном, что все вокруг наперебой бросались ему подсказывать. Однако он обладал редким даром передавать смысл истории при помощи гримас, лукавого прищура глаз, которые переводил с одного слушателя на другого, движений рук...

Постепенно смех стих. Все разинув рты уставились на рассказчика, слушая его дивные и невероятные для горцев истории, ведь за исключением нас, воинов и нескольких рабов из

далеких стран, никто здесь не видел и пяди земли за горным хребтом или равнины, где ручей превращался в реку. Я смотрел на Синеглазку, но та меня не замечала, вся во власти непонятных и чарующих речей грека.

Там, за болотами Меотии, бесконечными Хи-Миуте, где катят свои воды Тана<sup>1</sup> и Псыжь, рассказывал Деметриос, за землями Тамреги<sup>2</sup>, где берега будто тянутся друг к другу, простирается Хи-Фице, гигантское море, в воды которого садится солнце. Некогда греки дали ему имя Понт Эвксинский, то бишь Гостеприимный, а новые пришельцы с южных берегов кличут его Кара-Денизом, или Черным морем. Видел я это море: издалека, с горных хребтов, оно кажется лишь неясной полоской на горизонте. Но край света, продолжал Деметриос, не там, где садится солнце. Потому что даже великое Черное море заканчивается в той точке на юге, где находится его родной город, самый красивый и богатый на земле, царство куполов и золотых статуй. Дальше лежит другое море, еще больше прежнего, соленое и глубокое, с бесчисленными островами, окруженное всяческими землями, где обитают разнообразные народы. Море это истекает в огромную водную зыбь, что омывает все части суши. А по другую сторону того моря есть раскаленная страна, не знающая снега, под названием Эгиптос. Она населена народом, древним как мир, и пересечена рекой, истоки которой сокрыты.

Вот откуда вернулся Деметриос. В свою богатую столицу, Аль-Кахиру<sup>3</sup>, что значит Сокрушительная, позвал его тамошний султан Барсбай<sup>4</sup>, прознавший, что родом грек с северо-

<sup>1</sup> *Тана* — река Танаис, ныне Дон.

<sup>2</sup> *Тамрега* — ныне Таманский полуостров.

<sup>3</sup> *Аль-Кахира* — древнее название Каира, столицы Египта.

<sup>4</sup> Аль-Малик аль-Ашраф Абу-ль-Наср Сайф ад-Дин *Барсбай* (или Барсбей) (?–1438) — мамлюкский султан Египта, бывший раб, судя по внешности (белокожий высокий шатен с голубыми глазами), половецкого, русского, черкесского или грузинского происхождения.



восточного побережья Черного моря. Оказалось, что из тех же мест происходит и сам султан, сын высоких гор, заметных даже с моря. Ребенком он попал в плен во время татарских набегов, был продан в рабство в Аль-Кахиру, но в конце концов сам стал править в той части мира. Деметриос показал нам небольшой металлический диск с изображением лилии. Вот его монета, пояснил он изумленным гостям. У нас, горцев, деньги не в ходу. Если несколько монет и попадет кому-то в руки, их хранят как амулеты или дырявят на бусины для ожерелий. У нас племена попросту обмениваются товарами между собой или с редкими еврейскими или армянскими торговцами.

Так вот, султан Барсбай отправил Деметриоса в родные края, чтобы донести весточку единственному в своей семье, кому удалось выжить, — старшей сестре. Насколько слышал Барсбай, она вышла за большого вождя из аула на северном плато, у истоков Псыжи, и вырастила сына по имени Яков. Деметриосу нужно было лишь передать им привет и дары. И вот, к всеобщему изумлению, грек принялся доставать из мешка диковинные вещи. Сестре султана — шелковый золототканый плат с лилией по центру; а сыну — кинжал с усыпанной драгоценными камнями рукоятью. Но главный подарок моя мать уже получила: то было чудесное кольцо, которое должно было уберечь ее саму и ее близких. Барсбаю оно досталось когда-то от юного послушника из монастыря на священной горе Синай, с вершины которой Всевышний говорил с пророком Моше.

Я попросил у матери это простенькое серебряное кольцо. На поверхности виднелись какие-то знаки, один побольше, другие поменьше. Крупный будто состоял из скрещенных линий, на манер тех, что мы используем на клеймах для лошадей и скота или для меток на камнях и оружии. Я долго изучал кольцо, но в значениях символов так и не разобрался.

Как и все мои сородичи, письму я не обучен, хотя видел его у соседних племен. Случалось мне и находить в курганах



или могильниках древние каменные плиты, изрезанные странными и непонятными символами. Письмо для меня — суть колдовство, при помощи которого слова, сотворенные из воздуха, заключаются в плен знаков и застывают в вечности. Выходит, эти знаки способны пересечь грань между жизнью и смертью. Вот почему письма высекают на камнях у могильников. Так выглядит язык умерших, вырезанный в скале, чтобы она не стала прахом, как их тела.

На кольце были такие же магические метки. Я вопросительно взглянул на Деметриоса. Грек указал мне на крупный знак, где сплетались линии: это монограмма, пояснил он. Такой символ составлен из нескольких, соединенных между собой. Здесь знаков было три, сообразно трем звукам: «А», «I» и «К» — в таком виде их чертили греки. Чтобы я понял другие штрихи, Деметриос расшифровал их для меня один за другим. Получилось ΑΙΚΑΤΕΡΙΝΑ. Затем он произнес вслух все слово целиком: *Екатерины*.

Оказывается, это просто имя. Имя Айя Екатерины, непорочной девы, чьи мощи покоились и почитались в том самом монастыре на священной горе Моше, Синае. Там кольцо, коснувшись тела святой, впитало его силу и магию<sup>1</sup>. Известно, что Екатерина была девой из Александрии и звалась Доротеей, то есть «данной Богом». Однажды ей во сне явилась Матерь Божья, Пресвятая Дева Марисса, покровительница пчел и меда, и младенец Христос, ее сын от Всевышнего, который назвал Доротеею своей невестой и вручил ей кольцо. С тех пор ее звали Екатерины, что значит «пречистая». Гонители-язычники подвергли деву страшным пыткам, дабы заставить отречься от своего божественного жениха, а затем обезглавили, но тело ее, по частицам собранное ангелами, было вознесено на гору

<sup>1</sup> Кольцо вместе с колесом и пальмовой ветвью считается атрибутом святой Екатерины, символом ее мистического обручения с небесным женихом, младенцем Христом.

Моше<sup>1</sup>. Говорили, что и после смерти ее светлые волосы чудесным образом продолжали расти, а тело сочилось целительным слесем.

Сумерки окутали дома и долину. Наступала новогодняя ночь, и мощный жизненный вихрь уже готовился пронизать воздух, воду и землю. Все по-прежнему сидели вокруг очага, переживая услышанные диковинные истории. В тишине, нарушаемой лишь потрескиванием угольев, я поймал взгляд Синеглазки и вспомнил, что ей так и не дали имени, не погрузили в крестильные воды. Это должен был сделать я, поскольку священники-*шогены* и *шекники*, шаманы-крестители, сюда, в горы, обычно не добирались, хоть мы и поклонялись деревянному кресту, прибитому к стволу старого священного ореха близ родника.

Я давно там не бывал. Со времени смерти жены это место стало для меня юдолью смерти. Но ведь там же появилась на свет Синеглазка! Потому ей и надлежало вернуться сюда в главный праздник года, в час возрождения жизни растений, животных и всякой твари земной. Ребенок мог бы стать знаком возрождения, я бы очистил ее, смочив лоб благословенной ледяной водой, что била ключом у подножия креста, той самой, которой некогда *мамику* смыла с нее кровь матери.

Как же назвать Синеглазку? Сжимая в руках чудодейственное кольцо, я уже знал ответ, но сказал себе, что нужно следовать *хабзе*, традициям и законам народа. Имя ребенку предлагает первый чужестранец, переступивший порог его дома после рождения. Этим человеком был Деметриос. Посмотрев по очереди на меня, на кольцо, а затем на мою мать,

---

<sup>1</sup> По преданию, после казни святой Екатерины ангелы вознесли ее тело на вершину Синая. В середине VI века монахи из Преображенского монастыря, построенного императором Юстинианом, опознали останки по кольцу и перенесли в церковь. В XI веке монастырь переименовали в честь святой Екатерины.

грек спросил, когда именно родилась девочка. Я не знал и обратился к Ирине, говорившей с сильным русским акцентом. Она сказала: спустя две луны и десять дней от начала осени последнего *Жылги*, года Лошади.

Прикрыв глаза, Деметриос по купеческой привычке попытался прикинуть в уме: похоже, этот день совпадал с праздником Айя Екатерины, выпадавшим по греческому календарю на двадцать пятый день месяца, называемого *нозмбриос*. А последний год Лошади, судя по всему, приходился на 6936 год от сотворения мира. Сомнения рассеялись и, взглянув на девочку, он торжественно произнес ее имя: Екатерины. Я вручил ей чудесное кольцо столь же чинно, как Христос — своей невесте. С величественным видом, на глазах у всех, Екатерины надела это кольцо на палец и сжала маленький кулачок, поскольку оно было ей велико. А потерять кольцо — дурное предзнаменование.

Шесть зим спустя мне случилось снова оказаться на родине.

Я был в лагере Инала, к югу от гор. Когда лед начал таять и реки вздулись, неся новую воду к Хи-Фице, пришло известие о смерти матери. Получив разрешение князя, я в одиночку отправился похоронить ее в доме своих мертвых предков. Путь мой лежал вверх по реке, по хорошо знакомым извилистым горным тропам. Сначала я несся вскачь, потом шел пешком по заснеженным перевалам, по-братски вытягивая и помогая коню.

Сердце мое ожесточилось еще сильнее. В светлых волосах и особенно в бороде зазмеились снежно-белые нити. На одном боку у меня висела шашка, на другом — драгоценный кинжал Барсбая. Будучи воином, я привык гнать любую праздную мысль, воспоминание или чувство, существуя лишь во имя дела и битвы. И все же в груди екнуло, когда за последним отрогом открылась долина с лентой знакомой реки. Над соломенными крышами аула стелился дымок, а дальше, полого поднимаясь



к нагорью, расстилались широкие равнины, где отец с детства учил меня скакать наперегонки с ветром. К востоку горы становились круче, долина сужалась, начиналась непроходимая чаща, священный лес с большим орехом и прозрачным источником. Занималась весна, луга покрывались ковром из свежей травы и цветов, фруктовые деревья превращались в бело-розовые облака.

Сердце сжалось при воспоминании о той единственной весне, которую я провел со своей любимой на усыпанном цветами ложе из шкур. Потом нахлынули мысли о дочери. Но память о последней и единственной нашей встрече шесть лет назад почти померкла. Где ее искать? Выросла ли она, стала ли женщиной? Что узнала за это время? Выучила ли все то, что предписывает закон *хабзэ*? Должно быть, пришло время подыскать ей достойного жениха, сильного и мужественного юношу из соседнего племени, заключить кровный договор с его родителями... И после отпустить навсегда, ведь такова женская доля. Дочь в семье — ровно гостя: как придет, так и уйдет, говаривали старики.

Что я скажу ей, когда увижу снова? Ответов я не знал. Я ведь и по жизни немногословен, не мастер слагать речи длиннее одной фразы. Никто в моей семье болтливым не был. Мать так и вовсе, раз онемев, со мной не говорила. Я подумал, что не справлюсь, но должен был хотя бы попытаться. Начал было про себя: «Синеглазка» — и осекся. Нет, теперь ее следовало называть чужестранным именем, данным при крещении — Е-ка-те-ри-ни. Екатерины, высокочтимая дочь благородного Якова.

Спускаясь по тропе, я заметил на вершине соседнего холма одинокую фигуру. Судя по одежде и стати, то был скорее мальчишка, не мужчина. В мою сторону он не смотрел, будто не замечая приближения всадника. Все его внимание было приковано к чему-то по ту сторону каменистого гребня, где



лежала небольшая лощина, поросшая леском. Разнообразной дичи, даже и крупной, там всегда было вдоволь. В руках мальчишка держал непомерно длинный лук, непохожий на тот, что обычно дают детям: подстрелить из такого можно разве что какую-нибудь мелочь, зайца или птицу. Одет он был по-простому: облегающие штаны заправлены в сапоги, кафтан перетянут широким ремнем, за который заткнут короткий кинжал, на плече колчан... Одежда показалась мне знакомой, словно я уже видел ее раньше. На голове мальчишки сидела расшитая войлочная шапка, вероятно, скрывавшая длинные волосы, выбившиеся пряди которых он заправил за уши. Неподалеку к дереву была привязана неоседланная кобылка гнедой масти с белым пятном-звездочкой на лбу.

Что это за мальчишка? Чей он сын? Как знать, может, одного из моих товарищей, оставшегося с Иналом, или кого-то из тех, кто уже сошел в недра Матери-Земли?

А вдруг он из соседнего племени и отдан кому-то на воспитание по обычаям *атальчества*<sup>1</sup>, как заведено в нашем народе?

Сгорая от любопытства, я тихонько спешился, снял плащ, кольчугу, оружие и бесшумно скользнул по влажной траве к юному лучнику. Подобравшись сзади, я сгрел его в охалку за секунду до того, как стрела ушла в сторону долины, и, смеясь, оторвал от земли. Стрела свистнула и пропала вдалеке. Кобылка испуганно заржала, а косуля скрылась в кустах. Мальчишка пытался вырваться, но что его потуги против моей хватки? Шапка свалилась, обнажив светлую макушку, длинные волосы разметались на ветру.

Наконец я отпустил парня. Скатившись в траву, он ошарашенно оглядел мою громадную фигуру. Должно быть, в ярком солнечном свете я показался ему великаном. Сперва он

<sup>1</sup> *Атальчество* — древний обычай черкесов отдавать детей, преимущественно мальчиков, на время в другую семью, принимая взамен чужого ребенка.

Литературно-художественное издание  
Әдеби-көркем басылым

ВЕЧЕ КАРЛО  
УЛЫБКА КАТЕРИНЫ  
История матери Леонардо  
*Документальный fiction*

Редактор *А. Мотина*  
Художественный редактор *М. Левыкин*  
Технический редактор *А. Синицына*  
Корректоры *С. Луконина, П. Шевнина*  
Компьютерная верстка *Т. Коровенковой*

Куратор серии *О. Ро*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 18.12.2023.  
Формат 60 × 88  $\frac{1}{16}$ . Гарнитура «Caslon».  
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,3.  
Тираж 4000 экз. О-DCF-32523-01-R. Заказ №

Изготовитель: Өндіруші:

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» – обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»	«Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ – «Издательство Иностранка» тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25	115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге 191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ филиалы, 191123, Санкт-Петербург, Воскресенская жағалауы, 12-үй, А лит.
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru

[www.azbooka.ru](http://www.azbooka.ru); [www.atticus-group.ru](http://www.atticus-group.ru) [www.azbooka.ru](http://www.azbooka.ru); [www.atticus-group.ru](http://www.atticus-group.ru)  
Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін  
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:  
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции  
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)



Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)